

5.1. ПРАВО

5.1. LAW

Научная статья

УДК 343.140.02

DOI: 10.25683/VOLBI.2023.62.507

Andrey Igorevich Semenovskiy

Postgraduate of the Department of Criminal

Procedure and Criminalistics,

Siberian Federal University

Krasnoyarsk, Russian Federation

ai.semenovsky97@gmail.com

Андрей Игоревич Семеновский

аспирант кафедры уголовного

процесса и криминалистики,

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Российская Федерация

ai.semenovsky97@gmail.com

ПОЛУЧЕНИЕ ПРАВДИВЫХ ПОКАЗАНИЙ — ЦЕЛЬ СЛЕДСТВЕННОГО ДОПРОСА: ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Аннотация. Основной целью статьи является поиск оптимального содержания цели следственного допроса из предложенных в науке. Исходя из цели исследования, его предметом выступили такие рассматриваемые в науке подходы к цели допроса, как «получение объективных показаний», «получение достоверных показаний», «получение правдивых показаний». В ходе исследования были применены следующие научные методы: диалектический метод; логический, сравнительно-правовой, системно-структурный, а также терминологический анализ. Автор обосновывает необходимость принятия в качестве цели следственного допроса получение правдивых показаний, попутно уточняя их сущность, под которой предлагает понимать информацию в виде суждений, чувственно воспринятую допрашиваемым непосредственно или другим лицом, на которое ссылается последний, без искажений выводными из неё умозаключениями данных лиц. В статье обосновывается необходимость получения правдивых показаний именно в таком их понимании, так как она способствует установлению достоверной фактической информации об обстоятельствах расследуемого события, достижению цели уголовно-процессуального доказывания. Автор рассматривает иные сопутствующие показаниям сведения, которые с необходимостью должны отражаться в протоколе, как способствующие дальнейшей трансформации прав-

дивых показаний в достоверные. Результаты работы могут быть применимы в теоретических исследованиях, направленных на развитие процессуальной формы следственного допроса, а также его криминалистической тактики. С точки зрения практики, выводы работы могут способствовать усовершенствованию правового регулирования данного следственного действия, выработке и официальному закреплению требования получения правдивых показаний в качестве общей цели данного процессуального действия. Это требование способствовало бы превенции негативной практики оказания подчас внушающего тактического воздействия на допрашиваемого в попытках получить «достоверные» или «объективные» показания. В заключении отражаются основные выводы относительно сущности правдивых показаний, их отражения в протоколе, чтобы иные участники могли их оценить как правдивые, с учётом иных познавательных операций, и вычленив из них достоверную информацию.

Ключевые слова: назначение следственного действия, цель следственного действия, цель следственного допроса, правдивые показания, достоверные показания, объективные показания, цель уголовно-процессуального доказывания, уровни уголовно-процессуального доказывания, достижение истины по уголовному делу, формирование достоверных доказательств

Для цитирования: Семеновский А. И. Получение правдивых показаний — цель следственного допроса: доказательственный аспект // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 1(62). С. 186—193. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.62.507.

Original article

OBTAINING TRUTHFUL TESTIMONY — THE PURPOSE OF INVESTIGATIVE INTERVIEW: EVIDENTIARY DIMENSION

5.1.4 — Criminal-law sciences

Abstract. The main aim of the article is to establish an optimal approach to the purpose of investigative interview among those proposed in science. Based on the aim of the study, its subject was such approaches to the purpose of interview, considered in science, as: “obtaining objective evidence”, “obtaining reli-

able testimony”, “obtaining truthful testimony”. In the course of the study, the following scientific methods were applied: the dialectical method; logical, comparative-legal, system-structural, as well as terminological analysis. The author justifies the necessity of accepting the gathering of truthful testimony as the purpose

of investigative interrogation, clarifying its essence at the same time, by which he proposes to understand information in the form of judgments, sensually perceived by the interrogated person directly or by another person referred to by the interrogated person, without distortion by the conclusions of these persons deriving from it. The need to obtain truthful testimony in this sense is justified in the article, as it contributes to the establishment of credible factual information about the circumstances of the event under investigation, the achievement of the goal of criminal procedural proof. The author considers other information accompanying the testimony, which should necessarily be reflected in the records, as contributing to the further transformation of truthful testimony into credible. The results of the research can be applied in theoretical studies aimed at developing the procedural form of investigative interrogation, as well as its criminalistic tactics. From the practical standpoint, the conclusions of the research can contribute to the improvement of the legal regulation of this

investigative action, the development and formalization of the requirement to obtain truthful testimony as the general goal of this procedural action. It would help to prevent the negative practice of exerting sometimes inspiring tactical influence in an attempt to gather “credible” or “objective” testimony during a single interrogation. This would prevent the negative practice of sometimes suggestive tactical influence on the interrogated person in an attempt to obtain “truthful” or “objective” testimony. Finally, the conclusions are made regarding the essence of truthful testimony, its reflection in the protocol, so that other participants can assess it as true, taking into account other cognitive operations, and to extract reliable information from it.

Keywords: designation of investigative action, purpose of investigative action, purpose of investigative interrogation, truthful testimony, credible testimony, objective testimony, purpose of criminal procedure proof, levels of criminal procedure proof, establishing truth in criminal case, credible evidence formation

For citation: Semenovskiy A. I. Obtaining truthful testimony — the purpose of investigative interview: evidentiary dimension. *Business. Education. Law*, 2023, no. 1, pp. 186—193. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.62.507.

Введение

Актуальность. Каждое следственное действие имеет особую процессуальную цель, заключающуюся в получении доказательственной информации определённого вида. Такая цель является одним из оснований дифференциации следственных действий, позволяет выделить конкретное следственное действие из группы подобных. Также она позволяет определить, какую криминалистически значимую информацию может получить субъект доказывания. Таким образом, изучение цели каждого отдельного следственного действия становится практически значимым. В этом плане допрос не является исключением. В отношении процессуальной цели допроса имеется ряд споров, исследователи данного следственного действия выдвигают разные точки зрения на этот счёт. Закон не даёт определения процессуальной цели допроса как следственного действия, в литературе и на сегодняшний день нет единого мнения по данному вопросу. С теоретической и практической точек зрения это исследование остаётся принципиально важным.

Изученность проблемы. В науке имеется большое количество работ, посвящённых процессуальной цели следственного допроса. Различные взгляды на этот вопрос высказывали представители уголовного процесса, криминалистики, юридической психологии. Среди них такие исследователи, как А. И. Баянов, Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, В. Л. Васильев, А. И. Винберг, А. Я. Вышинский, Е. П. Ищенко, Л. М. Карнева, И. Ф. Крылов, П. П. Михеев, Н. И. Порубов, Н. А. Ратинова, С. Я. Розенблит, Г. Г. Фейгин, Б. М. Шавер, И. Н. Якимов и другие. Данные учёные пытались рассмотреть цель допроса с позиций лингвистики, диалектического материализма марксистско-ленинской философии, конечной цели всего процесса доказывания по уголовному делу, которую они видели в установлении истины по делу, а также с позиций такого свойства доказательств, как достоверность. Между тем идеи на цель допроса, с учётом новых реалий, должны быть пересмотрены с позиций современной теории познания, не отягощённой конкретной одной идеологией, как единственно верной. Подход к цели допроса должен быть проанализирован с учётом современной психологии показаний и положений теории криминалистического анализа, собственных гносеологических аспектов допроса, отличающих его от общей цели доказывания, как самостоятельного следственного действия.

Цель настоящей статьи видится в формулировании процессуальной цели допроса, как следственного действия, с учётом пересмотра её через призму обозначенных позиций.

Научная новизна. Некоторые исследователи вопроса процессуальной цели допроса, исходя из ранее декларируемой цели уголовно-процессуального доказывания — установления объективной истины по делу, — видели цель допроса в получении объективных показаний, выступали с критикой того, что некоторые авторы в качестве цели допроса указывали получение правдивых показаний. Приверженцы получения объективных показаний считали правдивыми те, которые осложнены субъективными особенностями восприятия лица, а потому недопустимыми для целей доказывания. Учёные, в чьих работах целью допроса провозглашалось получение правдивых показаний, не раскрывали их сущность, смешивали правдивые показания с объективными, достоверными и т.д. С учётом положений криминалистического анализа, гносеологии и психологии формирования показаний, автор настоящей работы разграничивает смешиваемые понятия, синонимично используемые в литературе, уточняет понятие «правдивых показаний», аргументирует, что целью допроса, как следственного действия, должно быть получение именно правдивых показаний.

Методологическую основу исследования формируют диалектический метод научного познания, общенаучные и частнонаучные методы, такие как логический, сравнительно-правовой, системно-структурный, а также терминологический анализ.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно может служить основанием для разработки уголовно-процессуальных и криминалистических рекомендаций, тактики проведения следственного допроса, обеспечивающей на конечном этапе расследования получение достоверных показаний. Осмысление процессуальной цели следственного действия также необходимо для построения моделей его процессуальной процедуры и специальных условий.

Практическая значимость данной работы видится в том, что обоснованное определение процессуальной цели следственного допроса должно помочь субъекту доказывания чётко отграничить данное следственное действие от иных смежных, понять его познавательный потенциал, на основании чего собирать информацию такого свойства,

для сбора и проверки которой допрос предназначен, причём она должна содержать как можно меньше ошибок познания расследуемого события. В дальнейшем имелись бы все основания считать её достоверной.

Основная часть

Дж. Остин отмечал, что мало знаний человек приобретает путём собственного исследования, его познания состоят главным образом из результатов исследования других [1, с. 186]. Таким образом, чтобы сформировать собственное видение по обозначенной проблеме исследования, следует провести анализ позиций авторов по вопросу о процессуальной цели следственного допроса.

Анализ литературы дает основание полагать, что косвенно о цели допроса в 1930-х гг. в своих трудах впервые из криминалистов начали упоминать в отечественной науке И. Н. Якимов и П. П. Михеев. Данные авторы в своих работах не разграничивали собственную цель допроса и цель доказывания по уголовному делу, отмечали, что целью доказывания является установление истины по делу, а допрос «играет в этом непосредственную роль» [2, с. 5]. Упомянутые исследователи в своих работах уже вводили понятие «ложные показания», хотя и не выделяли антонимичное им понятие «правдивые показания», но вместе с тем, использовали понятие «правдивый свидетель», называя так лицо, умышленно не искажавшее информацию о воспринятом событии, которую он запомнил. При этом учёные отмечали, что допрашиваемый сообщает следователю информацию так, как он её запомнил с учётом его психологических, половозрастных особенностей [2, с. 60].

В 1940-х гг. цели допроса и уголовно-процессуального доказывания начинают отделяться друг от друга. Авторы продолжали указывать, что следственный допрос должен способствовать установлению истины по уголовному делу, для этого следователь от допрашиваемого должен получить «точные, ясные, недвусмысленные показания» [3, с. 118]. В этот период появляется термин «правдивые показания», который противопоставляется ложным показаниям, то есть умышленному искажению сообщаемой информации в ходе допроса. В работах начинают указывать на то, что следователь должен применить к допрашиваемому специальные тактические приёмы, чтобы получить показания, свойства которых называли по-разному: «доброкачественные показания», «правильные показания», а чаще всего — «правдивые показания» [3, с. 118; 4, с. 185]. Исходя из этого, допустим вывод, что под «правдивыми показаниями» в противовес термину «ложные показания» понимали такие сообщённые лицу, ведущему предварительное расследование по уголовному делу, сведения, которые допрашиваемый действительно запомнил и воспринял, без умышленного искажения со стороны допрашиваемого.

Вместе с тем авторы учебников и иной научной литературы того времени по уголовному процессу, криминалистике настаивали на том, что основой расследования уголовного дела являются положения марксистско-ленинской философии [5, с. 4; 6, с. 12]. Одним из положений данного философского учения было отождествление понятий «правда» («правдивая информация») и «истина» в корреспондентском понимании истины [7]. Человек наделялся способностью точно, безошибочно воспринимать и отражать в своём сознании при помощи органов чувств окружающий его объективный мир [7]. Таким образом, сущность термина «правдивые показания», с учётом тех реалий,

может быть понята, как показания, воспринятые и передаваемые допрашиваемым следователю, без умышленных искажений, объективно соответствующие действительности. Собственно, в 1940—1950 гг. такие представители уголовно-процессуальной науки и криминалистики, как А. Я. Вышинский, Г. Г. Фейгин правдивыми называли показания, которые объективно отражают действительность [4, с. 185; 5, с. 275]. Именно их необходимо получать от допрашиваемых, согласно воззрениям данных авторов. Исходя из указанных положений, правдивым допрашиваемым, по их мнению, считался тот, кто давал показания, то есть сообщал сведения по расследуемым, устанавливаемым обстоятельствам уголовного дела, именно так, как они происходили в объективной действительности. Отмечалось, что любой человек, если он не страдает психическими или физическими дефектами, которые явно препятствуют ему воспринимать окружающий мир, может сообщать объективно соответствующие реальности сведения о расследуемом событии [5, с. 186].

Существенно данный подход претерпевает изменения в 1970—1980 гг. А. Н. Васильев в своих работах по тактике допроса указывал, что его основной задачей является получение достоверных показаний о расследуемом событии, ведь именно понятие «достоверные показания» означают, что они соответствуют действительности [8, с. 347]. И. Ф. Крылов критиковал в своих работах ранее рассматриваемую цель допроса — «получение правдивых показаний», утверждая, что для достижения конечной цели всего расследования преступлений, то есть установления истины по делу, в ходе допроса необходимо получать именно достоверные показания, а правдивые могут быть искажены субъективными особенностями восприятия [9, с. 353]. Р. С. Белкин цель следственного допроса в указанный период видел в получении объективно отражающих действительность показаний [10, с. 274]. Схожего мнения был Н. И. Порубов, правда, называвший цель допроса — получение правдивых показаний, сущность которых видел в объективном отражении действительности [11, с. 176]. Однако Л. М. Карнеева утверждала в рассматриваемый период, что цель допроса состоит в получении правдивых показаний, в полном объёме осведомлённости допрашиваемого лица об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, а также сведений для проверки достоверности сообщённых показаний [12, с. 3].

На сегодняшний день позиции относительно того, что целью допроса является получение объективных (достоверных) показаний придерживается ряд авторов, а термин «правдивые показания», тем более его содержательное значение, не рассматривается в литературе [13, с. 163; 14, с. 40; 15, с. 11].

Чтобы определиться с целью допроса, необходимо понять хотя бы в общих чертах, чем представлена сущность допроса. Большинство авторов, начиная с 1970 г., видят сущность допроса в получении (истребовании) показаний от допрашиваемого [10, с. 274; 16, с. 147]. Данная позиция впервые представлена в работах Н. И. Порубова, который обосновывал обозначенное видение сущности допроса с позиций кибернетики [11, с. 17]. Обозначенный подход заключается в том, что допрашиваемый передаёт информацию по управляющему воздействию следователя. Некоторые исследователи также указывают, что сущность следственного допроса заключается в своеобразном межличностном общении допрашивающего и допрашиваемого [17, с. 309]. С позиций указанного подхода, необходимо учесть, что результаты межличностного общения формируются уже сознанием не менее двух лиц, которые могут одну

и ту же информацию оценивать по-разному с позиций своего личного опыта [18, с. 28]. Таким образом, обозначать в качестве цели допроса получение объективных показаний представляется не совсем корректным.

Интересной является позиция, представленная в работах В. Я. Колдина. Данный ученый обращает внимание на то, что допрашиваемое лицо сообщает лишь свои суждения по воспринятому событию, поэтому результаты допроса должны проверяться путём исследования источников, на которые ссылается допрашиваемый в своих показаниях [19, с. 74]. В данном подходе важно то, что доказательственная информация в виде показаний представлена именно в качестве суждений, как формы мышления, так как всякая воспринятая лицом информация подлежит осмысливанию, тем более, когда лицо транслирует воспринятое иным субъектам. С точки зрения логики, суждение представляет собой мысль об отсутствии или утверждении какого-либо положения с позиции данного субъекта [20, с. 62]. Однако есть и иные формы мышления: понятия, то есть обобщённые представления о сущности явлений, а также умозаключения, представляющие собой выводные суждения из предшествующих [20, с. 56; 21, с. 110]. Для дальнейшего анализа позиции В. Я. Колдина необходимо обратиться к уровням познания, цели уголовно-процессуального доказывания, связывая процесс формирования показаний с возможностью достижения цели доказывания.

Так, часть исследователей уголовного процесса и на сегодняшний день в качестве цели уголовно-процессуального доказывания называют установление объективной (материальной) истины по делу [22, с. 7—14; 23, с. 44—47]. Иные исследователи и практики законотворчества говорят, что обозначение в качестве цели доказывания достижение объективной истины с точки зрения практики лишено смысла, категория истины относится к философии, соответственно, считают целью доказывания получение достоверной информации по уголовному делу [24, с. 52—58]. Данную позицию можно поддержать в той части, что сами философы отказались от категории «объективная истина», так как каждое «истинное знание», полученное субъектом познания, будет хотя бы в части субъективным [25, с. 205]. В то же время, с позиций гносеологии и эпистемологии, достоверность — это истинность знания, обоснованная для субъекта познания определённым образом [26, с. 385—386]. В науке уголовного процесса достоверность рассматривается и как объективное соответствие действительности, и как обоснованность доказательственного знания [27, с. 83—85; 28, с. 46]. В силу этого процессуалисты, придерживающиеся второй позиции, фактически заявляют о цели доказывания, как о получении обоснованной истины. Принимаемые в рамках уголовного дела решения должны быть обоснованы собранными фактическими данными (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Это обеспечивает законность решения, которое должно соответствовать познаваемому событию, иначе оно должно быть признано незаконным [29, с. 566]. Соответственно, исключая с позиций гносеологии цель доказывания в качестве получения «объективной (материальной) истины», как некоторого архаизма, процессуалисты всё же рассматривают истину как цель доказывания в своих работах, само требование закона об обоснованности принимаемых решений требует этого, но более корректно целью доказывания необходимо считать получение корреспондентской истины об обстоятельствах расследуемого события. При этом под корреспондентской истиной понимают такую характеристику знания, когда оно соответствует свойствам объекта познания [30, с. 130].

Обозначенная категория истины характерна для эпистемологии. Возникает вопрос, насколько допустимо применять категории данного направления философии к уголовно-процессуальному доказыванию. Так, аналогия в части познания между положениями эпистемологии и доказывания по уголовному делу проводится. Данный исследователь делил уголовно-процессуальное доказывание на информационный и логический уровень [31, с. 86—91]. На первом происходит накопление чувственного и эмпирического познания преступного события, второй уровень характеризуется установлением взаимосвязи между полученной на первом уровне информацией и расследуемым событием. Иные исследователи данного вопроса, по мнению автора настоящей работы, придерживаются похожего с В. Я. Колдиным взгляда на уровни доказывания, хотя и модернизируют его. Так, В. С. Балакшин выделял в уголовно-процессуальном доказывании уровень накопления релевантной информации, в ходе которого обнаруживаются, закрепляются, оцениваются и анализируются доказательства; уровень фактосинтезирующий, в ходе которого происходит обобщение и анализ данных о фактах; логико-аналитический уровень, в рамках которого собранные доказательства проходят проверку и оценку [32, с. 22—25]. Ю. К. Орлов процесс доказывания по уголовному делу разделяет на два аспекта: 1) правовой, включающий последовательное протекание уровней доказывания-познания, доказывания-удостоверения и доказывания-обоснования, 2) гносеологический, включающий в себя информационное и логическое доказывание [33, с. 13].

Исходя из анализа работ исследователей вопроса об уровнях процесса доказывания по уголовному делу, представляется допустимым вывод, что данный процесс можно в некоторой степени сравнивать с эпистемологическим протеканием познания, то есть уголовно-процессуальное познание также начинается с собирания некоторой чувственной информации по расследуемому событию, непосредственно основывающейся на восприятии субъектом уголовно-процессуального познания отражённой информации об обстоятельствах расследуемого события или транслировании ему непосредственно воспринятых его элементов от иных лиц, что можно признать характерным для допроса. Фактически на данном этапе формируются результаты чувственного познания в терминах эпистемологии. Такой вид познания характеризуется непосредственной привязкой к личному опыту, наличием в результатах опыта субъективной компоненты — результат зависит от познавательных возможностей субъекта, его психологических, психофизиологических, психиатрических особенностей; объективной компоненты — часть полученного знания предположительно соответствует свойствам объекта познания [30, с. 35]. В процессе дальнейшего развития уголовно-процессуального доказывания по конкретному делу, накапливается массив информации, основанный на восприятии от непосредственного взаимодействия с познаваемым объектом, который исследуется логическими средствами, то есть фактически появляется эмпирический уровень познания — возникают факты о расследуемом событии.

Таким образом, уголовно-процессуальное доказывание и эпистемология схожи в данных моментах относительно этапов познания. Первый уровень познания, когда получаемая информация о событии не сопоставляется между собой, выступает чувственным этапом, носит одновременно объективный и субъективный характер, так как полученное знание может быть искажено различными психологическими

и психофизиологическими характеристиками субъекта. Результаты данного уровня опираются на сохранившийся в сознании образ непосредственно воспринятого, должны стремиться к инварианту при сравнении их друг с другом, но могут отличаться друг от друга именно в силу особенностей происшедшего процесса восприятия [30, с. 36]. Получение истинных знаний в свете теории корреспондентской истины возможно на следующем этапе, на уровне так называемого эмпирического знания, то есть на уровне логически и рационально осмысленного знания на базе ранее полученной совокупности результатов чувственного знания [30, с. 36]. Однако для получения такого истинного знания результаты эмпирического уровня строятся на результатах чувственного, в которых отражаются не только само воспринятое знание, но и условия восприятия — субъективные и объективные, а сами результаты отражаются точно, как были восприняты, без домьсливания и выводного суждения об иных свойствах познаваемого явления. Умозаключения о непосредственно не воспринятых свойствах познаваемого объекта в эпистемологии относятся к уровню теоретическому, на котором уже считается невозможным получить истинное знание.

В рамках цели допроса указанные положения имеют существенное значение. Если следователь намеревается получить от допрашиваемого информацию, являющуюся в перспективе истинной, соответствующую расследуемому событию, то допрашивающий не должен получать показания в виде умозаключений допрашиваемого, только суждения, основанные на непосредственном восприятии тех обстоятельств, о которых ведётся допрос. При этом пересказ о воспринятом другим лицом можно считать допустимым, так как это будет чужое суждение, но не выводное умозаключение. На сегодняшний день российский уголовно-процессуальный закон закрепляет в качестве недопустимых доказательств показания свидетеля и потерпевшего, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности (п. 2, ч. 1, ст. 75 УПК РФ). «Слух», «догадка», «предположение» являются синонимичными словами, обозначают суждение, не основанное на достаточных данных, чтобы считаться истинным [34, с. 45—47]. В целом, данное значение следует признать близким к рассмотренной сущности умозаключения, как не основанного на воспринятых непосредственно свойствах изучаемого объекта, однако смысл данных терминов с точки зрения законодателя и придаваемый практикой требует отдельного изучения.

Как отмечалось, первые советские исследователи данной научной проблемы связывали цель следственного допроса с целью всего уголовно-процессуального доказывания. Действительно, отличительной особенностью следственных и судебно-следственных действий в российской уголовно-процессуальной доктрине видится то, что данные действия направлены, в первую очередь, на непосредственное установление обстоятельств расследуемого события. Положения о том, что решения по уголовному делу должны быть законны, обоснованы и мотивированы (ч. 4, ст. 7 УПК РФ), исследователи рассматривают следующим образом. Решения в рамках уголовного дела должны быть обоснованы, то есть основываться на совокупности установленных по делу фактических данных, мотивированны, то есть содержать ряд доводов о принятии того или иного решения, что в совокупности является условиями, обеспечивающими их законность [29, с. 529]. Если положенные в обоснование фактические данные не соответствуют действительности, решение

должно быть признано незаконным. Таким образом, независимо от признания или непризнания истины в качестве цели уголовно-процессуального доказывания, для законности принимаемого решения по делу должны собираться соответствующие познаваемому событию сведения, истинные в понимании истины корреспондентской. Сами следственные действия должны обеспечивать получение такого рода информации в перспективе. Косвенным тому подтверждением служит и то обстоятельство, что и на сегодняшний день уголовно-процессуальный закон устанавливает, что каждое доказательство должно быть оценено с точки зрения относимости, допустимости, достоверности (ч. 1, ст. 88 УПК РФ). В конечном счёте, каждое доказательство должно быть достоверным, что, среди прочего, ставит под сомнение указание на получение достоверных показаний в качестве цели допроса. Кроме того, свойство достоверности каждого доказательства формируется на протяжении всего процесса собирания доказательств, фактически разрешается вопрос о достоверности в ходе совокупной оценки доказательств, собранных в ходе расследования, а также путём исследования их источников [35, с. 143; 33, с. 53]. Это предопределяет невозможность в ходе одного допроса получить достоверные показания.

Цель каждого конкретного следственного действия, как отмечают исследователи данного вопроса, отличается от цели всего процесса доказывания, состоит в собирании конкретного вида доказательств, хотя цель следственного действия и подчинена общей цели доказывания по уголовному делу [36, с. 23; 37, с. 66]. Поэтому сводить цель допроса к получению объективных или достоверных показаний нельзя. Но уже с обозначенных ранее позиций можно констатировать, что субъекту уголовно-процессуального доказывания необходимо получать от допрашиваемого суждения о реально воспринятых им обстоятельствах расследуемого события, с описанием их недвусмысленными понятиями (или же необходимо всегда уточнять понятия, относительно значения которых могут возникнуть разногласия), исключая суждения допрашиваемого, которые не являются суждениями о воспринятых свойствах, устанавливаемых на допросе обстоятельств, а лишь суждениями (фактически — догадками) о гипотетически возможных обстоятельствах, из которых невозможно вывести знания истинные. Между тем, нельзя исключать возможность использования из показаний гипотетической информации, но не в качестве собственно доказательств, а как разновидность информации ориентирующей.

Указывая в качестве цели допроса получение объективных или достоверных показаний, не уйти от субъективизма в оценке такой объективности или достоверности непосредственно при производстве допроса, что может привести к негативным последствиям. Так, практика тактики допроса в странах общего права с 1930-х гг. развивалась в ключе получения показаний, которые следователь считает объективными [38, с. 257]. Последними считались те, которые на момент допроса согласуются с уже имеющейся информацией у следствия. В силу чего получили развитие тактики допроса, применявшейся не только к обвиняемым, но и к свидетелям, потерпевшим, направленной на психологическое принуждение и внушение различной степени суггестивности, что в большей или в меньшей степени приводило к гносеологическим ошибкам в доказывании [38, с. 258]. Данное положение дел послужило принятию в Великобритании Закона о полиции и уголовных доказательствах

(the Police and Criminal Evidence Act, 1984), который обязал следователей не применять указанные тактики, а вести допрос с позиций «сбора доказательств», то есть следователь обязан выслушивать допрашиваемого, критически относиться к уже собранному ранее материалу, противоречащему показаниям, не применять приёмы внушения и принуждения. Изучающие данный нормативный правовой акт зарубежные учёные указывают, что сейчас следователь Великобритании обязан собирать в качестве показаний именно то, что допрашиваемый воспринял [39, с. 138]. Данная практика снизила уровень «признаний», зато сократила количество ошибок в доказывании.

Ещё одним подходом к цели допроса является её определение через получение правдивых показаний. Как отмечалось, изначально под правдивыми показаниями понимали истинные, объективно соответствующие действительности, так как марксистско-ленинская философия фактически приравнивала понятия «правда» и «истина». Позднее в философии данные понятия стали различаться. Под правдой стали понимать знание не только истинное, но и вероятностное, иногда именуемое «правдивое», то есть такое, которое может оказаться истинным при его подтверждении. Правдивое знание также характеризуется тем, что оно принимается человеком не только из-за его обоснованности, но и по причине доверия данному знанию [25, с. 203]. Криминалистами «правдивые показания» также рассматривались, как вероятно истинные [9, с. 353]. Они могут соответствовать объективно произошедшему событию, но могут и искажаться в силу субъективных особенностей лица, участвующих в формировании показаний (психофизиологическое несовершенство процессов ощущения, восприятия, особенности мышления и т.д.), при этом допрашиваемый, со своей стороны, считает их соответствующими действительности.

Как уже указывалось в настоящей работе, с позиции философии познания, для формирования фактических данных об изучаемом явлении в значении обоснованных о нём знаний на уровнях эмпирического знания и на уровнях выше, имеются определённые требования к получению результатов чувственного знания, к которым можно отнести показания допрашиваемых, если они связаны с непосредственным восприятием свойств расследуемого события, получены с опорой на чувства допрашиваемого. Чтобы из указанного вида знания получить истинные, в понимании корреспондентской истины с позиций эпистемологии, результаты чувственного познания должны фиксироваться «как есть», то есть должны описываться и фиксироваться именно так, как были восприняты [30, с. 36]. Описание результатов восприятия должно отражать объективные условия (факторы) восприятия. Исследователи данного вопроса

из числа криминалистов обычно в данные условия включали характеристики внешней обстановки восприятия, способные повлиять на результаты восприятия. В отношении следственного допроса, необходимо уточнить, что в любом случае в ходе допроса субъект уголовно-процессуального доказывания обязан уточнять и субъективные особенности допрашиваемого, способные повлиять на результаты восприятия преступного события, что должно отражаться всегда в протоколе указанного следственного действия. Данные положения, на наш взгляд, указывают на цель следственного допроса как необходимость получения в ходе допроса именно правдивых показаний.

Заключение и выводы

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. Субъект доказывания по уголовному делу в ходе следственного допроса должен иметь цель — получение информации, чувственно воспринятой непосредственно допрашиваемым или иным лицом, на которое он ссылается, без какого-либо её искажения, без выводных из неё умозаключений допрашиваемого. Для исключения возможных ошибок в уголовно-процессуальном познании важно получение именно таких показаний, основанных на непосредственном восприятии тех или иных аспектов расследуемого события, без их корректировки различного рода умозаключениями о реально не воспринятых свойствах. При этом, такие показания должны содержать сведения об обстановке воспринятого события, что может существенно влиять на формирование показаний, а также об особенностях психических явлений личности допрашиваемого, влияющих на формирование показаний, что должно выясняться в ходе допроса. Такие показания с позиций философии познания можно именовать правдивыми, содержащими вероятно истинное знание, которые необходимо подвергать анализу для вычленения достоверной информации. При получении показаний в ходе следственного допроса субъект доказывания должен получить наиболее полную информацию об объективных факторах обстановки восприятия и о субъективных, способных повлиять на результаты формируемых показаний, что важно для своевременного обнаружения ошибок чувственного восприятия. Вся обозначенная информация должна заноситься в протокол допроса, во-первых, для реализации назначения допроса как следственного действия, то есть получения доказательств в виде показаний, при этом потенциально достоверных, соответствующих действительности, во-вторых, для возможности оценки данных показаний с позиции достоверности не только субъектом доказывания, но и иными лицами, не участвовавшими непосредственно в получении показаний, но способными их в дальнейшем оценить в совокупности с иными полученными доказательствами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи: учеб. пособие. М. : Норма, 2007. 592 с.
2. Якимов И. Н., Михеев П. П. Допрос: практическое пособие для допрашивающих. М. : Изд-во НКВД, 1930. 84 с.
3. Шавер Б. М., Винберг А. И. Криминалистика. Учебник. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 200 с.
4. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М. : Юрид. Изд-во НКЮ СССР, 1941. 219 с.
5. Криминалистика. Учебник. В 2 ч. Ч. 1 / А. И. Винберг, Б. М. Комаринец, С. П. Митричев и др. под ред. А. И. Винберга, С. П. Митричева. М. : Госюриздат, 1950. 304 с.
6. Криминалистика. Учебник / А. Н. Васильев, А. И. Винберг, С. А. Голунский и др.; отв. ред. С. А. Голунский. М. : Госюриздат, 1959. 512 с.
7. Казенов А. С. Ленинское понимание истины // Сайт Сергея Смирных. URL: http://www.smyrnyh.com/?page_id=2047 (дата обращения: 05.11.2022).

8. Криминалистика. Учебник / Б. Е. Богданов, А. Н. Васильев, В. А. Притузова и др.; отв. ред. А. Н. Васильев. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. 564 с.
9. Криминалистика. Учебник / Н. С. Алексеев, Э. У. Бабаева, И. Ф. Базанов и др.; под ред. И. Ф. Крылова. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 591 с.
10. Криминалистика. Учебник / П. Н. Аленичев, Р. С. Белкин, Л. А. Винберг и др.; отв. ред. Р. С. Белкин. М. : Изд-во Юрид. лит., 1986. 544 с.
11. Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Минск : Вышш. школа, 1978. 176 с.
12. Карнеева Л. М. Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования : учеб. пособие. Волгоград: НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1976. 143 с.
13. Савельева М. В., Смушкин А. Б. Следственные действия : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М. : Изд-во Юрайт, 2017. 293 с.
14. Современная криминалистическая практика и наука (конец XX — начало XXI в.) : монография. В 2 т. Т. 2 / А. М. Кустов, В. О. Лапин; под ред. А. М. Кустова. М. : Юрлитинформ, 2021. 328 с.
15. Ахмедшин Р. Л. Тактика коммуникативных следственных действий / Науч. ред. Н. Т. Ведерников. Томск : Издательский дом ТГУ, 2014. 294 с.
16. Александров И. В., Баянов А. И., Ищенко Е. П. Криминалистика. В 5 т. Т. 4 Криминалистическая тактика: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры / Под общ. ред. И. В. Александрова; отв. ред. И. М. Комаров. М. : Изд-во Юрайт, 2019. 179 с.
17. Дулов А. В. Судебная психология. Учеб. пособие. Минск: Вышш. школа, 1975. 464 с.
18. Душкина М. Р. Психология влияния в деловом общении и социальных коммуникациях: учебник для вузов. М. : Изд-во Юрайт, 2021. 228 с.
19. Колдин В. Я. Криминалистический анализ: монография. М. : Юрлитинформ, 2016. 528 с.
20. Тульчинский Г. Л., Гусев С. С., Герасимов С. В. Логика и теория аргументации: учебник для вузов / Под ред. Г. Л. Тульчинского. М. : Изд-во Юрайт, 2021. 233 с.
21. Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии: учебник для вузов. М. : Юристъ, 1996. 631 с.
22. Азаров В. А., Беккер Т. А. Объективная истина — единственный верный путь вынесения правосудного акта // Бюллетень международной ассоциации содействия правосудию. Научное изд., 2015. № 1. С. 7—14.
23. Качалов В. И. Кто должен устанавливать истину в уголовном процессе? // Бюллетень международной ассоциации содействия правосудию. Научное изд. 2015. № 1. С. 44—47.
24. Конин В. В. Уголовное судопроизводство: истина или достоверность // Бюллетень международной ассоциации содействия правосудию. Научное изд., 2015. № 1. С. 52—58.
25. Алексеев П. В., Алексеев А. П., Панин А. В. Философия: учебник. М. : Проспект, 2020. 592 с.
26. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 1 / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; науч. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. М. : Мысль, 2010. 744 с.
27. Грошевой Ю. М. Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосудие. Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1986. 185 с.
28. Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам) : учеб. пособие. М. : Юрист, 1995. 64 с.
29. Бурмагин С. В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия : монография. М. : Юрлитинформ, 2021. 720 с.
30. Лебедев С. А. Методология научного познания: учебное пособие для вузов. М. : Изд-во Юрайт, 2021. 153 с.
31. Колдин В. Я. Уровни уголовно-процессуального доказывания // Советское государство и право. 1974. № 11. С. 86—91.
32. Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 35 с.
33. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практич. пособие. М. : Проспект, 2001. 144 с.
34. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М. : Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
35. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М. : Юридическая литература, 1964. 179 с.
36. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2004. 228 с.
37. Стельмах В. Ю. Концептуальные основы следственных действий: монография. М. : Юрлитинформ, 2017. 288 с.
38. Sasha R., Jooyoung L. Confessions of a criminal psychopath: an analysis of the Robert Pickton cell-plant // Journal of police and criminal psychology. 2018. No. 33. Pp. 257—270.
39. Leahy-Harland S., Bull R. Police strategies and suspect responses in real-life serious crime interviews // Journal of police and criminal psychology. 2017. No. 32. Pp. 138—151.

REFERENCES

1. Drobyshevskiy S. A. *History of political and legal doctrines: basic classical ideas*. Moscow, Norma, 2007. 592 p. (In Russ.)
2. Yakimov I. N., Mikheev P. P. *Interrogation: A Practical Guide for Interrogators*. Moscow, Izdatel'stvo NKVD, 1930. 94 p. (In Russ.)
3. Shaver B. M., Vinberg A. I. *Criminalistics. Textbook*. Moscow: Yuridicheskoye izdatel'stvo NKYu SSSR, 1940. 200 p. (In Russ.)
4. Vyshinskiy A. Ya. *The theory of court evidence in Soviet law*. Moscow, Yuridicheskoye izdatel'stvo NKYu SSSR, 1941. 219 p. (In Russ.)

5. Vinberg A. I., Komarinets B. M., Mitrichev S. P. et al. *Criminalistics. Textbook. In 2 vol. Vol. 2.* Ed. by A. I. Vinberg, S. P. Mitrichev. Moscow, Gosyurizdat, 1950. 304 p. (In Russ.)
6. Vasil'ev A. N., Vinberg A. I., Golunskiy S. A. et al. *Criminalistics. Textbook.* Ed. by S. A. Golunskiy. Moscow, Gosyurizdat, 1959. 512 p. (In Russ.)
7. Kazenov A. S. Lenin's understanding of truth. *Website of Sergei Smirnykh.* URL: http://www.smyrnykh.com/?page_id=2047. (In Russ.) (accessed: 05.11.2022).
8. Bogdanov B. E., Vasil'ev A. N., Prituzova V. A. et al. *Criminalistics. Textbook.* Ed. by A. N. Vasil'ev. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1971. 564 p. (In Russ.)
9. Bogdanov B. E., Vasil'ev A. N., Prituzova V. A. et al. *Criminalistics. Textbook.* Ed. by I. F. Krylov. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1976. 591 p. (In Russ.)
10. Alenichev P. N., Belkin R. S., Vinberg L. A. et al. *Criminalistics. Textbook.* Ed. by R. S. Belkin. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1986. 544 p. (In Russ.)
11. Porubov N. I. *Scientific basis of interrogation at the preliminary investigation.* Minsk, Vysh. shkola, 1978. 176 p. (In Russ.)
12. Karneeva L. M. *Tactical bases of organization and production of interrogation at the investigation stage: textbook.* Volgograd: Nauchno-issledovatel'skiy i redaktsionno-izdatel'skiy otdel vysshey sledstvennoy shkoly MVD SSSR, 1976. 143 p. (In Russ.)
13. Savel'yeva M. V., Smushkin A. B. *Investigative actions.* Moscow, Yurait, 2017. 293 p. (In Russ.)
14. Kustov A. M., Lapin O. V. *Modern criminalistic practice and science (late 20th century — early 21st century). Monograph. In 2 vol. Vol. 2.* Ed. by A. M. Kustov. Moscow, Yurlitinform, 2021. 328 p. (In Russ.)
15. Akhmedshin R. L. *Tactics of communicative investigative actions.* Ed. by N. T. Vedernikov. Tomsk, Izdatel'skiy dom TGU, 2014. 294 p. (In Russ.)
16. Aleksandrov I. V., Bayanov A. I., Ischenko I. P. et al. *Criminalistics. In 5 vol. Vol. 4. Criminalistic tactics.* Ed. by I. V. Aleksandrov, I. M. Komarov. Moscow, Yurait, 2019. 179 p. (In Russ.)
17. Dulov A. V. *Forensic psychology. Textbook.* Minsk, Vysh. shkola, 1975. 464 p. (In Russ.)
18. Dushkina M. R. *Psychology of influence in business communication and social communications.* Moscow: Yurait, 2021. 228 p. (In Russ.)
19. Koldin V. Ya. *Criminalistic analysis. Monograph.* Moscow, Yurlitinform, 2016. 528 p. (In Russ.)
20. Tul'chinskiy G. L., Gusev S. S., Gerasimov S. V. *Logic and argumentation theory.* Ed. by G. L. Tul'chinskiy. Moscow, Yurait, 2021. 233 p. (In Russ.)
21. Enikeev M. I. *Fundamentals of general and legal psychology. Textbook.* Moscow, Yurist, 1996. 631 p. (In Russ.)
22. Azarov V. A., Bekker T. A. Objective truth — the only sure way to pass judgment. *Bulletin of the International Union of Assistance to Justice*, 2015, no. 1, pp. 7—14. (In Russ.)
23. Kachalov V. I. Who should establish the truth in criminal proceedings? In: *Bulletin of the International Union of Assistance to Justice*, 2015, no. 1, pp. 44—47. (In Russ.)
24. Konin V. V. Criminal Justice: Truth or Credibility. *Bulletin of the International Union of Assistance to Justice*, 2015, no. 1, pp. 52—58. (In Russ.)
25. Alekseev P. V., Alekseev A. P., Panin A. V. *Philosophy. Textbook.* Moscow, Prospekt, 2020. 592 p. (In Russ.)
26. *New Philosophical Encyclopedia. In 4 vol. Vol. 1.* Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, National Social Science Foundation. Ed. by V. S. Stepin, A. A. Guseynov, G. Yu. Semigin, A. P. Ogurtsov. Moscow, Mysl', 2010. 744 p. (In Russ.)
27. Groshevoy Yu. M. *Professional legal consciousness of a judge and socialist justice.* Kharkiv, Vischa shkola. Izdatel'stvo pri Khar'kovskom universitete, 1986. 185 p. (In Russ.)
28. Orlov Yu. K. *Expert evidence and its assessment (in criminal cases).* Moscow, Yurist, 1995. 64 p. (In Russ.)
29. Burmagin S. V. *Court proceedings and decisions in the system of criminal justice. Monograph.* Moscow, Yurlitinform, 2021. 720 p. (In Russ.)
30. Lebedev S. A. *Methodology of scientific research.* Moscow, Yurait, 2021. 153 p. (In Russ.)
31. Koldin V. Ya. Levels of criminal procedure proof.: *Soviet state and law*, 1974, no. 11, pp. 86—91. (In Russ.)
32. Balakshin V. S. *Evidence in the theory and practice of criminal procedure proof (the most important problems in the light of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation): abstract of diss. of the Doc. of Law.* Yekaterinburg, 2005. 35 p. (In Russ.)
33. Orlov Yu. K. *Fundamentals of the theory of evidence in criminal proceedings.* Moscow, Prospekt, 2001. 144 p. (In Russ.)
34. Uryson I. V. *Problems of researching the linguistic worldview: Analogy in semantics.* Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2003. 224 p. (In Russ.)
35. Arsenev V. D. *Issues of the general theory of legal evidence.* Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1964. 179 p. (In Russ.)
36. Sheyfer S. A. *Investigative actions. Grounds, procedural order and evidentiary value.* Samara: Samarskii universitet, 2004. 228 p. (In Russ.)
37. Stel'makh V. Yu. *Conceptual basis of investigative actions. Monograph.* Moscow, Yurlitinform, 2017. 288 p. (In Russ.)
38. Sasha R., Jooyoung L. Confessions of a criminal psychopath: an analysis of the Robert Pickton cell-plant. *Journal of police and criminal psychology*, 2018, no. 33, pp. 257—270.
39. Leahy-Harland S., Bull R. Police strategies and suspect responses in real-life serious crime interviews. *Journal of police and criminal psychology*, 2017, no. 32, pp. 138—151.

Статья поступила в редакцию 09.11.2022; одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 21.11.2022.
The article was submitted 09.11.2022; approved after reviewing 14.11.2022; accepted for publication 21.11.2022.